

Этот день похож на кролика

Этот день похож на кролика.
Те же глупость и испуг.
Страх катается на роликах
В окружении подруг.

Боль и жалость — червоточины
В зыбком яблоке души.
А на ней клеймо: «просрочена».
В мыслях ползают ужи.

Разливается чернильница.
Пятна — осень на холсте.
Мгла могильная пружинится.
И не где-то, а везде!..

То ли буквы, то ли нолики
На снегу — не разберешь...
Этот день похож на кролика.
Потому — и страх, и дрожь!

И был этот день

И был этот день... и земля, и звезда.
По рельсам осенним неслись поезда,
По лунным блистающим нитям,
По мгле, по судьбе, по событиям...

И кто-то стоял, разливая вино
По темным бокалам и глядя в окно,
Где олово дня остывало,
Темнея лилово и ало.

И, спички тревог зажигая во тьме,
В осенней, кисельно текущей сурьме
Блуждали пространство и время,
Как гости иных измерений.

А кто-то стоял у окна и курил,
Допив из бокалов остатки зари,
И слышал, как тихо шептались
Пространство и время-скиталец.

И слышал гудки неземных поездов,
И осень ему показалась звездой,
По небу летящей на север,
Где ветер бессмертье посеял.

Час закатный. Фонари

Час закатный. Фонари
Пьют настой сентябрьской ночи.
Что не делится на три —
Кажется, мешает очень.

Ты, подруга, не гляди,
Что в углу темно и пусто.
Так же, как в твоей груди,
Где живет шестое чувство.

Потому что в час, когда
Фонари лакают темень,
Легче кажется беда
И стремительнее время.

Время вырастает из земли

Время вырастает из земли,
Кучерявясь летними цветами...
Сорняком, желтеющим меж нами,
Времени соцветья расцвели.

Смотрят одноглазые на нас
Корневища, в наше беспокойство,
Отвергая все мироустройство,
Что мы видим в профиль и анфас.

Прошлокрылых буден мотыльки —
Абрисы известных нам событий —

В том, что было намертво забыто,
Растворятся, чувствам вопреки.

Сорняки времен заглушат все,
Вырастая стеблями до неба,
Жизни обжигающую негу
Обращая в бесконечный сон.

Оттенки

Ловец хрустальных состояний,
Не кратных тридцати семи!
Поймай пятнадцать расставаний,
А на шестнадцатом — пойми,

Что обретенья и потери
Взаимно отображены
То многоцветностью истерик,
То белым тоном тишины.

Когда в пыли истертой ночи
К нам страх врывается, как тать,
То все оттенки одиночеств
По пальцам не пересчитать,

И опрокинутое завтра
В еще глубокое вчера
Чернильной каплею азарта
Стекает с кончика пера.

Полночь

Я помню тебя, одинокая полночь!
И ты не забыла, ты многое помнишь...
Обрезав ножом темноты
Незримые нити с былым расставаний,
Пронзаешь бестелость времен, расстояний
И после, снежинкой застыв,

Холодным свеченьем приветствуешь вечность,
Плывущую тьмою над белою свечкой,
Горящей снегами зимы...
И кажется краткой дорога в бессмертье,
Но в это не верьте, не верьте, не верьте, —
Обманет спокойствие тьмы!

Бессмертие — шарик на тоненькой нити,
Подвешенный чьей-то мечтою в зените,

Колеблемый небытием...
И все, одолев над собою высоты,
Попробуют меда полночного соты
Пред тем, как пребудут ничем!

От полночи вдаль разбегутся столетья,
И полночь рассыплется на междометья,
Секундами тихо звеня.
Останутся в кипении прошлого света
На солнечных струнах игравшие дети,
Смотрящие в мир сквозь меня.

Осенний яд

Кто сказал, что шипение осени —
Это навий дымящийся яд,
Принесенный уснувшими осами,
Что не могут вернуться назад
И вонзиться укусами в плотное
Тело ясного летнего дня,
Пробуждая дыханье болотное,
Колокольцами влаги звеня?..

Кто сказал?.. Но глухое молчание
Оглушило меня, отняло
Чувства, мысли, и даже отчаянье
Обратило в предельное зло.
Потому что так много молчащего
Ядом осени поздней шипит,
И оса моего настоящего
Жалит сердце, а вовсе не спит!

Февральские вариации

Февраль. Играет небо в бадминтон,
Ракеткой мглы подбрасывая солнце...
Одетый в снежно-льдистое пальто,
Кивает лес в морозное оконце.

И стены у избы не изо льда —
Из воздуха, который крепче стали,
А окна — многоцветная слюда
Времен, смотрящих в палевые дали.
Туда воланчик солнца упадет,
Когда вдруг небеса играть устанут...

Потом придет полночный лунный кот
И слижет с неба звездную сметану.

Сентябрьский день

Стекает утро вязким солнцем
С покатых крыш,
И день стоит над горизонтом,
Кудряв и рыж.

Осенней солнечной слезою
Позолочен,
Он ловит блик под бирюзою,
Хрустит лучом.

И пусть сентябрь горчит повсюду
Сырой строкой,
Но этот день подобен чуду,
Живой такой!

И что ему угрюмый невод
Земной тоски,
Когда задумчивое небо
Кормил с руки!

Ночная миниатюра

Синей бабочкой лесною
В паутине темноты
Билась позднею весною,
Тронув крыльями цветы,

Полночь,
звездною пылью
Опыляя небеса,
Где — луны полукольцо и
Бездны темные глаза.

От биенья крыл полночных
Трепетала темнота.
Паутина, хоть и прочно,
Полночь сцапала, но та

Порвала ее, на запад
Улетела. А клочок
Паутины трогал лапкой
Злой рассветный паучок.

Беспокойное утро

Задохнулся, пропал мой мир в бытии трехосном.
Ускоряясь во много раз, уплывало время.
На окне рисовала тьма то ли знак вопроса,
То ли ставила знак «тире», как черту на кремне.

Утро, горечи лет испив, обжигалось болью,
И восток покраснел — подобно больной гортани.
Прострелил облака рассвет, разрядив обойму
Нетерпения темноты. ...От пустых скитаний

Побледнела луна в петле, облаками свитой,
На звезде — на гвозде она, приуныв, болталась.
...И брела, обретая тень, обрастая свитой
Потускневших картинок дня, королева Старость.

Закрутилась поземка лет по лихой спирали.
Замелькали снежинки дней, дорогих, ушедших;
На судьбу сединой ложились и... умирали.
И врывается в окно октябрь — беспокойной векшей.

Полночная вода

Вода этой полночи слишком чиста,
Чтоб в землю пролиться.
На вытканых звездами синих холстах
Веселые лица.

А полночь другая — темна и грустна,
И черной водою
Омоет просторы, где в утренних снах
Заблещешь звездой.

...Пока чернота из одной черноты
В другую струится,
Ты полночи первой попробуй воды,
Успей насладиться.

Сказка

Холодное небо коснулось Земли
Сырым снегопадом,
А в полночь созвездия тихо зажгли
Цветные лампы.

По снежной пустыне плыла тишина,
Как воздух густая,
Смотрела задумчиво с неба луна,
Совсем молодая,

На лес и упавшую ночью звезду,
На снежные скалы.
Но долго звезду на подтаявшем льду
Созвездья искали.

В ночи замелькают и дни, и года —
Метелью, порошей,
Исчезнет под ними навеки звезда,
И прошлое тоже...

Осенний фрегат

Небесным лоцманом ведомый
В цветную бухту сентября,
Корабль осенних окоемов
В туманы бросил якоря.

На мачтах корабельных сосен
Качнулся парус облаков
Фрегата под названием «Осень»,
Плывущего в простор веков.

А утром якоря подняли,
И, разрезая гладь времен,
Поплыл в тоскующие дали,
Сливаясь с призраками, он,

Пройдя все зимы и все весны,
Вернется в гавань сентября,
И эти мачты, эти сосны —
Спалит прощальная заря...

Перед холодами (Ante Frigora)

Перекликаясь поездами,
Как птицы, станции живут...

Не знаю, свет поет меж нами,
Полнясь густеющими снами,
Иль сумрак плачет наяву...

Живет в тоске осенней время,
В уста целуя пустоту.
И сквозь простор сквозных прозрений,
Считая стук тоскобиений,
В себя из памяти бреду.

Лесов осенних злое жало
В меня вонзают холода,
И время столь лилово, ало,
Что кажется — оно устало.
Замедлились часы, года.

Но ледяной, декабреносный
Свет набирает высоту
И снова поджигает сосны;
Ступает север гулко, грозно,
Считая за верстой версту!

Собрав озер окрестных звоны

Собрав озер окрестных звоны
В темнеющую чистоту,
Слепой покой взошел на склоны
Туманных скал. Ночная ртуть,
Мерцающая мелкими огнями,
Как пробуждение меж снами,
Катилась в клюквенную тьму...

Сентябрь. Ночей осенних бритвы
Кромсали смысл всего. Все му
Ломали схемы, алгоритмы...
Но кто-то шел на тихий звон,
Под тихий свист иных времен.

Плутая в онеменья леса,
В сетях бесчисленных колец,
Не замечая жизни веса,
Не чуя стука злых сердец,
Он останавливался где-то
И слышал смех былого лета,

И сквозь себя он шел к нему,
Просторы осени разрушив,
Презрев «зачем?» и «почему?»,
Сплетая жизнь из сотни кружев
Воскресшей юности. Покой
Мерцал озерной чистотой.

Три стайки яблонь молодых

Три стайки яблонь молодых
На луг из леса прибежали.
Смотрю приветливо на них,
Как на врагов моей печали.

Простор поет, простор звенит
Пичугой малой в гуще сада.
Пронзает чувств моих зенит
Неотвратимости досада...

На каждой ветке времена
Бутончик алый распустили.
Тебя хватает мне сполна,
Земной и небыли и были.

Но страшно оттого, что здесь
Все будет точно так, как было,
Когда привычной жизни песнь
Заглушит тишина могилы.

Карусели осени

Цветной лишайник. Скал скупой оскал.
Сосны болотной щупальца кривые.
Тропинка та, которую искал
Среди трясин. Елани вековые.

Брусника. Клюква. Вороника. Мох.
И — ничего, что может быть иначе.
Озерный край. Тайги неспешный вздох.
Таежный мир, и чуткий он, и зрячий!

И — никого! Леса. Холмы. Леса.
Рябиновая осени улыбка.
Озер суровых серые глаза.
Кругом — пестро, нестройно, зябко, зыбко.

И крутит блики солнечных лучей —
Раскачивает осень карусели
По пестрому простору ярких дней,
Качает блики звезд в ночной купели...

Но человек, незримый человек
Откуда-то всю жизнь идет куда-то.
На юг: в простор степей, полей и рек...

Багровой лихорадкою заката
Прошита тьма, тревоги гулкой тьма.
Дойдет ли человек до южной цели?
Тайга грустна, тайга почти нема.
Раскачивает осень карусели.

Полдень

Памяти мерцанье. Летних дней изгиб.
Солнечные вазы полнятся покоем.
Тянутся минуты, что годам близки,
Растворяя в полдне брэнное, людское.

Полдень суетливый, словно зыбкий уж.
Только не молчит он, а вовсю стрекочет.
Но бегут вприпрыжку через чащу, глушь
Времена босые по тропинке к ночи.

